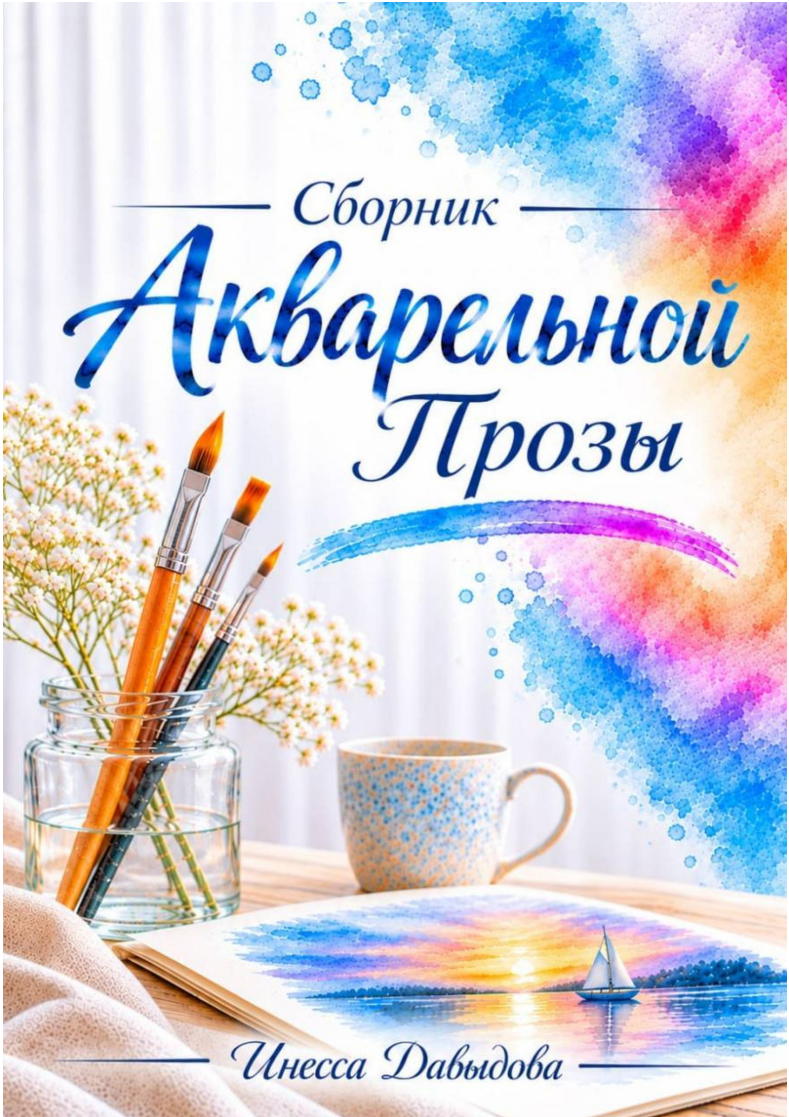
Сборник
Акварельной
Прозы
Инесса Давыдова

Инесса Давыдова

Сборник акварельной прозы

https://litres.ru/74777458
SelfPub; 2026

Аннотация

Эти миниатюры — следы историй, которые могли бы стать романами, но так и остались в набросках, отложенных рукописях и памяти. Здесь собраны фрагменты неизданных книг и самые переломные моменты уже опубликованных, из которых рождались герои и сюжеты.

Формы и масштабы меняются: от отрывков из романов до рифмованной прозы и миниатюр в одну строку. Каждая — отдельный миг, сохранившийся на границе между замыслом и завершенной историей.

Содержание

От автора	5
Pâte-sur-pâte. Слой за слоем	6
Яркий образ	7
Привычка ждать	8
Островитянка	9
Соль расстояний	11
Переезд	13
Раненая бабочка	15
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Инесса Давыдова
Сборник акварельной прозы

От автора

Представьте себе галерею, где на стенах висят не большие полотна, а маленькие акварельные этюды — быстрые, яркие, написанные на пленэре. Каждый такой этюд — желание удержать один момент: волнение перед признанием, мятеж помутненного сознания, боль предательства, последнюю секунду перед выбором, тот самый второй шанс, когда уже ничего не ждешь.

Эти миниатюры родились из набросков, которым не суждено стать главами. В сборнике я показываю то, что не отпускает с годами и при каждом новом прочтении по-прежнему волнует. Я назвала этот сборник акварельной прозой. Здесь соседствуют разные формы и объемы: от отрывков из неизданного до рифмованной прозы и миниатюр в одну строку. Из этих сцен, диалогов и трагедий рождались герои и сюжеты. В них слышен голос разных лет, разных настроений, разных попыток увидеть пик человеческих переживаний. Заходите в эту маленькую галерею акварельных этюдов — и дайте знать, какой отзовется лично вам.

Pâte-sur-pâte. Слой за слоем

На девственном листе лессируются слова, как на фарфоре тонкий слой глазури: сперва сюжет — интрига волшебства, потом характеры — противоречия и бури. В конце детали — кракелюры и рельеф, узор, как переплетение судеб.

2026 г.

Яркий образ

*Наброски к роману «**Испей до дна**». Неизданное*

В памяти все еще крутился ее прежний образ — яркий, волнующий, экспансивный, словно умопомрачительный пейзаж. На такой смотришь — и захватывает дух, по телу бежит приятный озноб, и думаешь: «Я бы остался здесь навеки». Такой он ее и запомнит...

2018 г.

Привычка ждать

Кота давно уж нет, а форточка все ждет.
2026 г.

Островитянка

*Наброски к роману «**Белый апельсин**». Неизданное*

Шум океана заглушал голос острова. Время от времени воды, поднявшиеся из недр возмездия, выбрасывали к подножию гор «разбитые куски цивилизации» — так называл себя разорившийся писатель. Спрятавшись от жалящего солнца между пальмовыми листьями, похожими на зонты, он наблюдал за той, что пленила его мечты.

Пена прибрежных вод щекотала маслянистую кожу — так море пыталось вытянуть из островитянки остатки беззаботности. Сквозь пальцы просачивался песок, напоминая ей о скоротечности островной жизни. На тонких запястьях позвякивали ракушки, собранные в браслеты. Волосы, похожие на бурые водоросли, облепили лицо и спрятали глаза цвета южной ночи. Упругая грудь слагала ритм юного сердца, а алые бретельки купальника напоминали ему струйки вулканической лавы, стекающие вниз под тяжестью гравитации.

Невинность взгляда была самым спасительным из ее чар. Одно лишь наблюдение за ней излечивало душу. Для его измотанного сердца она была долгожданным рассветом после арктической ночи неудач. Вечерами по памяти он делал наброски ее облегающих сарафанов и украшений, подаренных

ей природой. Ему хотелось запечатлеть ее образ и потом, уже на материке, написать роман. Муза подбрасывала ему множество названий, но, глядя на нее, он выбрал одно — «Островитянка».

Он наблюдал, не вмешиваясь, боясь испачкать ее своим прошлым, в котором растратил себя в безумной суете ночных блужданий. К тому же она была влюблена и не приняла бы его ухаживаний. Но отказать фантазиям, уводившим ее в другие сюжеты, он не мог. Вот и сейчас он перенес ее в английское поместье, где на островную красоту смотрели как на экзотику: с интересом, надменным восторгом, с изумлением перед чистотой мысли, исходящей от сердца. В этих воображаемых сценах его писательская отвага рыцарски ограждала ее от монстров. Но реальность была сурова, и ему пришлось признать: эта первозданная красота непременно станет предметом торга.

2026 г.

Соль расстояний

*Поиск образа героев к рассказу «**Ржавчина в венах**». Неизданное*

Улица петляла, как та ложь, что мы наговорили друг другу в прошлый раз. Каждый поворот уводил нас все дальше от любви, которую мы так старательно прятали. Я замедлял шаг, ладони мокли, дыхание сбивалось. Над брусчаткой качались синие фонари, бросая неровные тени, и в этом мерцающем свете сердце билось громче пушечной пальбы.

Ты пришла с востока — в плаще, укутанная в платок, в очках, скрывающих половину лица; от тебя веяло дальними дорогами, пряностями и дымом, и этот запах был мне дороже любых духов. Я поклялся держаться подальше, не рисковать ни твоей, ни своей судьбой, но полночь снова свела нас в точке, где законы и обещания теряли силу. Нам негде было остановиться, и ты выбрала этот узкий переулок, ставший нашим убежищем.

Место встречи стало местом молчания. Все слова, что копились месяцами, все признания, так и не нашедшие выхода, тонули в ночных глазах друг друга. Два силуэта на фоне сияющей луны. Мне хотелось хоть раз произнести твое настоящее имя — не то, что ты называла, заселяясь в гостиницу. Хотелось просто назвать тебя так, как я зову в мыслях, но

даже это было риском.

Мы были как два актера в пьесе, где оба сошли со сценария и пошли своими путями, нарушая негласные правила. Присягнув разным мирам, мы все же оказались рядом — любовь не спрашивала нас, а просто накрыла своим покрывалом, не считаясь ни с клятвами, ни с границами. Тогда трудно было вообразить пару более чуждую друг другу, чем мы.

Между нами лежал океан — широкая голубая гладь, разделявшая берега, на которых мы были обречены жить. Но я все равно возвращался к тебе через километры и расписания, через огни посадочной полосы, светившие, словно маяки в черных водах.

«Твое сердце принадлежит мне», — сказала ты однажды, и эти слова стали моим оправданием для каждого рискованного шага. Соль расстояний оседала на губах, но не растворяла того, что жило внутри.

Пусть утром мы снова разъедемся по разным маршрутам, скроемся в чужих городах и чужих именах — этой ночи хватит, чтобы помнить: мы были здесь. Мы были настоящими. Хоть на несколько часов.

2026 г.

Переезд

Он стоял посреди опустевшего кабинета и смотрел на выцветшие пятна, оставленные мебелью и сейфом. Паркет хранил полосы от колес кресла. На стене белел прямоугольник — след от портрета отца. Воздух еще держал запах полированного дерева, пыли и дорогого табака.

Кабинет давно жил его ритмом: внезапными утратами, короткими распоряжениями, переговорами, где время измерялось не минутами, а сделками. Здесь он рос вместе с цифрами, как дерево — в сторону света. Здесь же научился не замечать, как день сменяет ночь, как тихо взрослеют дети, у жены появляется собственный мир, а родители уходят сперва в больницы, потом в память.

У двери ждал ассистент. Телохранитель придержал створку. В коридоре уже звучали чужие шаги, глухо отдаваясь под высокими потолками. Он снял с кольца один ключ, повертел его в пальцах и молча отдал.

Внизу, у входа, блестел черный «Бентли». Дверца закрылась мягко, почти беззвучно. Машина тронулась, и за стеклом поплыли фасады, витрины, светофоры — город, в котором он прожил чужую жизнь. И только сейчас, в скользящем свете улиц, ему вдруг захотелось собственной.

2026 г.

Раненая бабочка

*Отрывок из романа «**Алхимия лжи**», детективной серии «**Слабое звено**». Изданное*

На борт двухпалубной яхты я поднимаюсь в сопровождении российского консула. Полицейские проблесковые маячки слепят глаза, поэтому я не сразу замечаю, вокруг чего столпились эксперты в белых комбинезонах. В кормовой части яхты — небольшая лужа крови и алые мазки.

— Ваша задача, Идрисов, — опознать бывшую подопечную, — цедит сквозь зубы консул и с брезгливостью добавляет: — И постарайтесь на меня не дышать!

Как он себе это представляет? Кто я? Кашалот?

— О какой подопечной идет речь?

Спрашиваю сейчас, ибо в дороге он словом не обмолвился. Его больше беспокоил близкий контакт моей сигареты с кожаной обшивкой сиденья его «Мазерати».

— Увидите и поймете. Но никакого контакта и самодеятельности. Меня предупредили, что вы любитель своевольничать. Расследование ведут итальянцы. Мы здесь только для того, чтобы подтвердить личность и убедиться, что права нашей гражданки не ущемлены.

С жадностью выпиваю бутылку воды и закидываю в рот две подушечки жвачки.

Заходим в дек-салон, где толпятся люди в униформе и в штатском. Спорят, активно жестикулируя. Попахивает бардаком. Их так много, что я сильно удивлюсь, если эксперты найдут хоть одну улику без переноса чужой ДНК.

К нам подходит главный инспектор. Консул переводит рваные куски его путаного рассказа. Постепенно из потока сумбура выстраивается последовательность произошедшего. В разгар свадебной вечеринки пропал новобрачный. Позже гости нашли лужу крови на палубе и его суженую в обмороке. Судно вернулось в порт, именитые гости разбежались, и только потом капитан вызвал полицию. Новобрачная — по мнению консула без видимых оснований — главная подозреваемая. Сейчас ее осматривает врач.

Спускаемся в каюту молодоженов. Все по высшему разряду. Сверкающий люксовый интерьер. На верхнюю палубу ведет отдельная лестница. Огромного размера кровать с пологом безупречно заправлена. В ведерке уныло покачивается бутылка шампанского. За столешницей, плавно перетекающей в прикроватный комод, восседает седовласый джентльмен в смокинге и с эскадренной скоростью заполняет какие-то бланки. Перед ним — раскрытые ювелирные футляры.

На кушетке, вполоборота к нам, сидит стройная девушка в длинном белом платье с открытой спиной. Белокурые локоны прикрывают плечи. Черты лица точеные. На платье в области живота и груди красные пятна. Она похожа на ране-

ную бабочку.

Врач дает ей таблетки и стакан воды. Блондинка обхватывает стакан руками, затянутыми в герметичные перчатки из полиэтилена, и делает несколько глотков. Благодарит и отдает стакан. В ее осанке, движениях и манерах чувствуется породистость. Это дамочка из высшего общества. Такой подопечной у меня не было. Может, опознать нужно не ее? Оглядываю оставшихся гостей — женщин больше нет.

Раненая бабочка вызывает к себе сочувствие. Все мужчины хотят ей угодить. Один предлагает шаль, второй протягивает блюдо с нарезанными фруктами. От того и другого она с отрепетированной полуулыбкой вежливо отказывается. Насколько я понимаю, окружающая свита — друзья мужа. Бьюсь об заклад, каждый не прочь с ней замутить, особенно блондин, что смотрит на нее с щенячьей преданностью.

Держусь позади инспектора. Моя задача — оставаться в тени.

Консул представляется и просит предъявить документ, удостоверяющий личность. Девушка показывает на сумочку, и полицейский выуживает российский загранпаспорт. Остальные хоть и говорят по-русски, но являются гражданами Туманного Альбиона. Консул листает страницу за страницей. Я краем глаза вижу бесконечную вереницу штампов о пересечении границ. Раненая бабочка путешествовала по всему миру.

— Саша Вернер?

— Да… — кротко отвечает девушка и на нас не смотрит.

Вопрос и ответ сбивают мне дыхалку. Сердце начинает колотиться, как при прыжке с парашютом. Всматриваюсь в лицо — и не узнаю. Нет, это не она. Другая форма носа. Губы более пухлые. У Алекс круглые глаза, а у этой — миндалевидные.

— Полиция вас уже допрашивала?

— Нет. Ждут моего адвоката.

Голос ее! Сканирую взглядом хрупкие покатые плечи и вижу плеяду знакомых до боли родинок. Это Алекс!

Мы не виделись почти два года. Она мне часто снилась. Не лицо, а расплывчатый облик. Во снах мы, обнявшись, гуляли по липецкому парку. Я не видел ее, но чувствовал под боком, не называл по имени, но знал, что это она. Обычно после моего монолога она, не сказав ни слова, испарялась, как пар над кружкой.

Со дня нашего последнего ужина в гостиничном ресторане произошло столько событий, что сейчас встреча с ней кажется нереальной, будто из другой жизни. Жизни, которая могла бы быть с ней, но никогда не будет. Между нами было слишком много противоречий и в первую очередь отсутствие доверия.

В операции «Протокол-17» я был восприимчив к любому ее слову, взгляду и тем более прикосновению. Самым трудным для меня было закрыть глаза и уснуть. Хотелось про-

никнуть в ее голову и дирижировать мыслями, прописать себя в каждой нейронной связи, навсегда остаться в ее воспоминаниях, чтобы она могла забыть всех, кроме меня.

Я часто фантазировал о двух неделях, которые она просила в Липецке: как бы мы их провели, если бы ситуация сложилась в нашу пользу. Как выяснилось позже, мне они были нужны больше, чем ей. Ибо не она, а я не могу ее отпустить. Хорошо, что я осознал это только после миссии на Корсике, когда Алекс для меня была уже недоступна.

В памяти мелькают сеансы с мозгоправом. Перед последним заданием я посетил его три раза и сильно удивился, когда мою кандидатуру утвердили. На том сеансе я дал такого леща, что позже хватался за голову. Наладчик мозгов снял с меня все маски, как снимают с лука шелуху. Вывел за пределы моих личин, туда, где иногда мелькают осколки моего собственного сознания, и атаковал вопросами об Алекс: что я к ней чувствую, почему не могу отпустить, почему снова и снова прокручиваю в голове дни, когда мы были в бегах. Вот тогда я и сорвался. Вскочил и заорал что есть силы: «Да потому, что я скучаю по ней! Понимаете?! Тупо скучаю!»

— Вам зачитали ваши права?

Вопрос консула выдергивает меня из воспоминаний и бьет о борт реальности. Это Алекс. Она в трех метрах от меня. Я могу подойти к ней, обнять, спросить, как жила все это время. Вот только я ей не нужен. Теперь она с Вернером.

— Да. Спасибо, что проявляете заинтересованность.

Заходят карабинеры, говорят, что приехал адвокат и они готовы отвезти Алекс на экспертизу. Ей помогают подняться, накидывают на плечи палантин. Друзья наперебой ее успокаивают, обещают во всем разобраться. За ней семенит врач с чемоданчиком. Она со всеми вежлива, но держит дистанцию.

Смотрю на нее вблизи и не верю в такую масштабную трансформацию. Алекс не просто сделала пластику, она кардинально изменилась: манера речи, повадки, походка. В день нашего знакомства она была зажатым и невзрачным ежиком, сейчас — элегантная и утонченная леди.

— Олег! Может, Эрхард все же вернулся в Лондон?

К Алекс мигом подскакивает юркий делец с щенячьими глазками. Поправляет накидку, сжимает ей руку и вещает:

— Ни в Хампстеде, ни в лаборатории, ни в офисе он не появлялся. В списке пассажиров, прилетевших в Лондон, его нет.

— А частные рейсы?

— Такую информацию нам никто не предоставит. Это может сделать только полиция, и у них должен быть на это судебный ордер.

С озабоченным видом Алекс осматривает толкущихся на палубе экспертов, потом толпу зевак за оградительной лентой.

— А где секьюрити? Я никого не вижу.

— Саша, я тебе уже говорил, никого нет и это странно.

Память Алекс на репите. Такое я уже видел при налете на ее апартаменты в «Москва-Сити». А вот исчезновение секьюрити меня удивляет. Консул и словом не обмолвился, что Вернер — не единственный пропавший.

Вместе с главным инспектором Алекс садится в полицейскую машину. На меня она так и не взглянула, хотя я вышел на свет и поравнялся с консулом. Мне хотелось, чтобы она меня заметила и подала знак. Но для Королевы Антарктиды я был невидимкой.

Консул задает мне единственный вопрос: «Это она?» — и, получив утвердительный ответ, отчаливает на своей новенькой «Мазерати».

У меня возникает желание поспрашивать местных на предмет именитых гостей, когда и от какого причала отплывала яхта, но вовремя понимаю, что это плохая идея. От меня несет за версту. Нужно догнаться и забыться. Это не моя игра. Алекс явно что-то провернула, вот пусть сама и выпутывается.

2020 г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.